

Лариса Ратич

*Души
прекрасные
потёмки*

роман

Лариса Ратич

Души прекрасные потёмки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17713278

ISBN 9785447451547

Аннотация

История жизни старого, прикованного к постели человека, который мучительно анализирует прошлое и пытается понять, почему именно так он прожил свою жизнь. Где и когда он совершил роковые ошибки, приведшие его к полному одиночеству и ощущению ненужности своей жизни? Почему не понял и не оценил главного, почему подменил настоящие чувства жалким суррогатом? Образ главного героя романа – собирательный образ эгоиста, который, по большому счёту, живёт в каждом человеке. Взглянем же на себя со стороны!

Души прекрасные потёмки

роман

Лариса Ратич

© Лариса Ратич, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
* * *

...Как всё-таки богат наш язык! «Прикован к постели», – да, действительно прикован. И любые кандалы по сравнению с этим – просто детские штучки.

Я, Борис Петрович Силин, восьмидесяти двух лет, – старое беспомощное бревно. Или, как говорит моя Надя, – «Кактус». Почему кактус? Потому что мне «тоже нет жизни без горшка». И это – грустная правда.

Нет, я не инвалид, а просто старый и больной мужчина, что не помешало Наденьке вчера выйти за меня замуж. Но, пожалуй, «выйти замуж» – это громко сказано. Просто приехала дежурная «Мендельсоня», которую мы пригласили на дом (жених, понимаете ли, не в состоянии доползти до ЗАГСа, а жениться приспичило!), быстренько заполнила всё, что надо, и – «Желаю счастья и долгих лет жизни вашей семье!» Хотела по привычке сказать «молодой семье», но запнулась; и вышло: «Вашей м-м-мо... семье». Но ничего, всё

равно довольно миленько поздравила.

Напрасно я переживал. Надя – той хоть бы что: «А пусть думают, что хотят». А мне почему-то было неловко. Всё-таки странный у нас брак, любой скажет.

– Они всякое видали! – отрезала Надя.

И действительно, никаких эмоций у представительницы власти я не заметил. Мелькнула искринка в глазах, когда Надя протянула ей на прощание деньги, – и тут же погасла. Ну и до свидания! Зато теперь Надежда может быть уверена, что жильё Кактуса (то есть моё) перейдёт к ней без всяких «но». Жена есть жена, что ни говори.

Она ухаживает за мной уже третий месяц. И не просто так, конечно, а «с правом наследования». Как иначе мог я кого-нибудь заманить сюда: кормить убирать, стирать...

«Наследовать» за мной некому – вот и решился. Не забережу же я свою однокомнатную на тот свет?..

Разные люди приходили, когда я дал объявление (точнее, соседка дала. Сам-то я что могу?). Первые две женщины мне не понравились; третьей – не подошёл я. Потом пришла молодая пара, жена – с «пузиком». Этим отказал сразу, без разговоров. Им долго ждать некогда, пока я сам жилплощадь освобожу; возьмут и «помогут», как пить дать!

Не думал я, что на мою развалюху столько людишек полетается. Соседке на пятый день всё это до смерти надоело. Хоть я и заплатил ей, но надо ж и меру знать! Принять, поговорить, показать... И она наконец сказала:

– Вот что, Борис Петрович! Ещё завтра подежурю – и всё. Если не выберете, ищите другого «представителя». некогда мне!

А кого я буду просить, кому нужен? Вот так и вышло, что остановил я свой выбор на Надежде. Зато теперь думаю, что это даже и лучше.

Надя – женщина ловкая, сноровистая. Характер, правда, – ох и крут! А язык – ну точно как бритва. Сам-то я, если и соберусь пройтись хотя бы до окошка – иногда так хочется на белый свет, на людей глянуть; пусть даже и с девятого этажа, – так полчаса ползу. Так что без помощницы никак мне по-человечески устроиться не удастся. Уж что-что, а желудок у меня работает исправно, и аппетит – дай Бог молодому.

А Надя достала где-то больничную «утку», облегчила мне процесс. С горшком ведь намного проблемнее; бывает, и встать не успеешь...

Помню первое впечатление от Нади: назвал про себя «языкатой чертовкой». Высокая, жилистая, сухопарая; не говорит – а приговор выносит. И смотрит как на рентгене. Но деловая и чёткая, без болтовни. А главное – некуда ей деваться. Этого она не сказала, но я сам почувал. Позже узнал, что прав.

Надя соглашалась остаться не только с «правом наследования», но и с правом постоянного проживания, что меня очень и очень устраивало: стал бояться ночей. А вдруг именно ночью соберусь умирать?..

Вещей у неё было совсем чуть-чуть, один только чемодан. Спать пристроилась на раскладушке, в углу. Хотела бы в кухне, но я попросил здесь: мало ли что, а ну как не дозовусь?..

Она сказала, что это разумно. Разве я мужик теперь? Так и выдала, ведьма прямая. Могла бы и промолчать. Но Надежда в принципе не понимает, что такое чувство такта.

– Это лишнее, Борис Петрович, – удивилась она, когда я сказал про свою обиду. – Что думаю, то и говорю. Запомните! Зато и тайных мыслей не имею.

Что ж, и это верно. Вся на виду, какая есть. Не то, что моя первая жена, царство ей небесное. Та, бывало, губочки надует – и молчит часами. Догадайся, мол, сам. Терпеть я этого не мог! Три года всего только и прожил с ней, больше не захотел.

С тех пор по-настоящему ни разу не женился, хоть женщин имел множество. А зачем?..

Был, правда, один фальшивый брак, но это ж разве женитьба? На Надьке только и пришлось. Просто она практичная тётка, вот и всё. Разузнала чуть ли не на второй день, как и что, и начала хлопотать. Потом оказалось, что много времени зря потеряла, и не такой я уж и одинокий, как рассказываю.

Кричала на меня. Ну да, есть у меня сын от первого брака. И что?! Я от него официально отказался ещё тогда, при разводе. Документально! Бывшая супруга сама попросила; потом отчим (её второй мужёнок) пацанёнка моего усыно-

вил. Мне это подходило: ну на кой мне эти алименты?! Пусть приёмный папа и кормит.

Откуда Надежда разузнала про эту историю? Я ведь сыночка своего так больше ни разу и не видел. Зачем? Отрезано – так отрезано, и нечего слякоть разводить. Но Надя волновалась:

– Не понимаешь ты ничего! Сейчас народец ушлый, палец в рот не клади!!

И поставила условие: женись – и точка. Или сегодня же попросаемся. А я ведь привык к ней! Вот и пришлось...

* * *

Всю жизнь окружали меня женщины покорные, бесхребетные, начиная с матери. Такая, как Надька, – впервые мне встретилась. Если б не нужда...

Не должен мужик допускать, чтобы баба им командовала. И отец мой так считал, а его было за что уважать. Помню я его хорошо: мне уже тринадцать было, когда он пропал.

Перед войной он занимал большой пост, и жили мы отлично. Имели даже отдельную квартиру; мать не работала нигде, но по дому возилась целыми днями. Любил отец порядок: чтобы и сготовлено, и убрано, и выстирано всё было вовремя и «как надо».

Она и старалась, понимала своё счастье. А главное – не терпел отец никаких возражений, даже в мыслях. Матери бы и в голову не пришло ему перечить!

И всё-таки жалел я её. С одной стороны – покорная до тошноты; а с другой – умная она была. И очень, очень добрая. Другой такой, как она, я вообще никогда не видел.

А может, я зря думал, что она была безвольная?.. Ведь тогда, в эвакуации, если б не её железная выдержка, не выжили бы мы с ней. Отец вдруг почему-то перестал писать, и мы не знали, что и думать. Конечно, о самом худшем старались не говорить; ведь он на фронт не призывался, имел временную «бронь». А потом мама встретила на рынке (ходила менять обручалку на хлеб) старую знакомую из нашего города. Кажется, это она и рассказала матери, что отец сошёлся с молоденькой певичкой, дочерью какого-то генерала. Поэтому можно его и не ждать.

Мне мама ничего не сказала; только ночами плакала часто и много. Я удивлялся: слёзы для неё – редкость; но она отнекивалась и отмалчивалась. Я случайно подслушал, как она делилась с нашей хозяйкой, тёткой Далилой, – настоящей богатырихой внешне, но очень сентиментальной изнутри.

– Ничего, Марина! – басила она «шёпотом», аж стены гудели. – Ничего! Ты женщина красивая; не то, что я, – скала крымская. Твоё счастье впереди, дай-то Бог только, чтоб война кончилась. Вернёшься домой – и начнёшь новую жизнь, голубка!

Но когда война и в самом деле кончилась, «вернуться домой» у нас с мамой получилось плохо: наш дом разбомби-

ли, и мы приехали к пустырю, который не совсем очистили от обломков...

...Нам дали крохотную комнатёнку в коммуналке, почти чулан, невозможно тесный для двоих. Но вскоре я остался в нём один, не прошло и года: маму убило током на работе. Чего она полезла к этому щиту?.. – так и осталось непонятно.

К тому моменту я уже был вполне взрослым восемнадцатилетним парнягой, заканчивающим среднюю школу. Планировал идти работать на завод; обещали неплохой заработок. Но сначала решил всё-таки поискать отца: а вдруг?..

Это, к моему большому удивлению, оказалось совсем не трудно (а мама твердила, что невозможно!..); я нашёл дом, в котором он теперь жил, – не хуже нашего прежнего! – но его самого не застал. Зато поговорил с его новой женой, хорошенькой и заносчивой стервочкой в дорогом халате.

– У нас – маленький ребёнок, вам понятно? – пояснила она злым голосом. – А вы, молодой человек, уже вполне зрелый. Я, конечно, передам мужу, что вы заходили, но не думаю... В его планы не входит встречаться с вашей мамой, поймите!

И тогда я объяснил, что мамы давно нет. А она рассердилась:

– Тем более не надо было приходить сюда! Что за бесцеремонность? Сами, сами решайте свои проблемы, не смейте попрошайничать у нас!!

Я чуть не ударил её. Хотя, признаюсь, доля правды в её

словах была. Я ведь и в самом деле рассчитывал на материальную поддержку, а не на отцовскую любовь.

Не знаю, сказала она ему о моём визите или нет, но мы с ним так никогда и не встретились... Я тогда, глядя на молодую избранницу отца, невольно подумал: «А ведь она совсем не похожа на такую бессловесную и безропотную, которая могла бы угодить моему папочке. Чем же она взяла его?..»

А потом, спустя годы, когда жизнь подучила меня как следует, я всё понял и ещё раз восхитился своим родителем.

Ведь война – это война. Первыми сгинули те, кто не умел (или не хотел) подумать в первую очередь о себе. А он – и умел, и хотел.

И в мясорубке этой не был, и жив-здоров остался, да ещё и благополучен. Мы с мамой, наверное, тогда потянули бы его на дно; а новый родственник – влиятельный тесть – оказался спасательным кругом. Прав, выходит, был мой отец. Прав!

...Подоспели выпускные экзамены, и первым было сочинение. Я всегда их писал неплохо, поэтому почти не волновался. Из предложенных тем выбрал Пушкина – это я знал лучше всего – и, довольный собой, наваял приличный текст. Всё в меру, всё как положено; удачно ввернул несколько цитат. Сдал одним из первых, не сомневаясь, что на твёрдую «четвёрку» могу рассчитывать.

Вечером в мой «чулан» кто-то тихонько постучался. Было уже довольно поздно, и я чертыхнулся: «Кого это там...» Но,

открыв дверь, изумился: на пороге стояла Софья Михайловна, наша учительница литературы. Она быстро приложила палец к губам и прошмыгнула в комнату без приглашения.

– Силин, – зашептала она почти беззвучно, едва я прикрыл за ней дверь. – Беда, Боря.

– О чём вы, Софья Мих... – она моментально зажала мне рот своей потной горячей ладонью.

– Тихо!!! —зашипела яростно. – Сядь!!

Я покорился. Что произошло?..

– Силин, – волновалась она. – Ваша дверь в коридоре, к счастью, была открыта. Меня никто не видел, я надеюсь. Обратно тихо-тихо выведешь меня сам, ладно?.. У тебя нет случайно шляпки с вуалью?.. Мама не носила? Когда-то это было модно... Надо, чтоб меня не узнали, даже если увидят. Понимаешь? – надо!

Она была встревожена не на шутку, и её страх невольно передался и мне.

– Хорошо, – зашептал я в тон ей, еле-еле слышно. – Что случилось?

Она осторожно вынула из сумки какие-то листки, положила на стол.

– Смотри, Боря!

Это было моё сочинение. Ну и что?.. Она ткнула пальцем:

– Читай вот тут.

Я пробежал глазами: «Пока надеждою горим, ... мой друг, отчизне посвятим...»

Ну, цитата. И что?

– Читай ещё раз!!! – приказала она.

Я вчитался и охнул: «... мой друг, отчизне посвятим души прекрасные потёмки». Мне стало жутко. Да за такие слова, покажи она их кому-нибудь!.. Я схватился за голову.

– Силин, успокойся! Слышишь, Боря?.. – шептала она мне прямо в ухо. – Никто не видел, никто. Я только. Проверять будем завтра с утра вместе с Анастасией Георгиевной.

...В ушах шумело. Как, как, как я это умудрился написать?! Это виноват Васька Духовный, будь он неладен!!! Твердит, как попугай, по триста раз на день: «Чужая душа – потёмки». На всё у него один ответ, про эти самые потёмки! Это он меня сегодня «дёргал» на экзамене:

– Дай списать!!

Я его, конечно, послал; а он изрёк язвительно: «Чужая душа – потёмки! Друг называется!» А какой я ему друг, идиоту безграмотному?! Не хватало ещё самому завалиться из-за этого недоумка! Он ведь и списывать как следует не умеет; скатает слово в слово, а мне – потом отвечать?!

Разозлился я не на шутку, вот, видно, и написалось: «прекрасные потёмки» вместо «души прекрасные порывы». А тут ещё – про отчизну... В одной связке!!

Я дико глянул на Софью Михайловну: меня могут посадить?.. Господи!..

– Боря, я уже придумала, – она деловито присела рядом. – Замарывать не будем, слишком грязно выйдет. Надо просто

переписать этот лист. Сейчас! Я подожду.

Переписывать пришлось много, и мы на всякий случай плотно занавесили тряпками моё маленькое окошко. Мало ли... Пусть с улицы никто не увидит света в час ночи.

Я писал, а она – диктовала. По слову, по буковке. Заодно и указала мне на три ошибки, которые я допустил. Я окончательно успокоился, и уже с интересом взглядывал на неё.

Она мне всегда нравилась: молодая, интересно рассказывает. А она ещё и друг хороший... Ведь и сама рискует! Я бы, например, вряд ли смог. Но наконец мы справились, и она ушла. Шляпки с вуалью, к сожалению, у меня не нашлось, и пришлось обойтись большим маминым платком: Софья Михайловна укуталась в него по самые брови, и я тихонько проводил её до двери внизу. Потом сообразил:

– Софья Михайловна, ночь всё-таки. Давайте я вас до дому доведу.

– Нет-нет! – испуганно отказалась она. – Да и близко мне, сам знаешь...

Да, знаю. Она к нам забежала иногда (моя мама неплохо шила на дому), и один раз я помог ей донести большую сумку с тетрадками. Софья Михайловна, как и многие учителя, часто дорабатывала дома после уроков. Не всё ведь успеешь в школе!

Итак, она исчезла в темноте, а я ещё немного постоял, подышал. Всё думал: «Надо же, какая! Спасла меня...»

Через три дня вывесили список с оценками, и у меня

оказалось «отлично». Я купил бутылку вина, полкило конфет и вечером отправился к Софье Михайловне. Признаюсь: имел грешную мысль. Раз спасла – значит, нравлюсь я ей. Иначе тогда зачем?.. А раз так – почему бы и нет?

Но она, к великому моему разочарованию, ничего не взяла, а наоборот, даже обиделась и расстроилась. К тому же – испугалась:

– Боря!!! Уходи, уходи и всё уноси. И никогда больше; ты понял?! Никогда!!

Она захлопнула дверь. Да кто их поймёт, этих баб?! Ведь тогда ночью – голова к голове, локоть к локтю. И шептались, как влюблённые...

Ну и шут с ней. Вернулся домой, а потом меня осенило: взял снова свои подарки и постучался в соседнюю комнату к Лидке, симпатичной молодой вдовушке с двумя детьми.

– Лидочка, разделите радость, а то мне не с кем!

– Заходи, соседюшка, заходи! – вот здесь мне были всегда рады.

* * *

Лидочка давно заглядывалась на меня; я ж не слепой, всё замечал. То плечиком в коридоре заденет, то маме скажет (громко, чтоб я слышал):

– Ой, Марина Дмитриевна, а сыночек у вас! Берегитесь поклонниц; с руками оторвут.

Мне было приятно, что скрывать. Но всерьёз я Лидочку

не воспринимал. Да и то: одиноких баб после войны – хоть пруд пруди; такую можно «штучку» отхватить!

Но когда мама умерла, почувствовал я сразу, как мне нужна женщина. И не для постели, нет; хотя и об этом потихоньку начал мечтать, что скрывать? А для другого: только женщина может создать то, что мы называем уютом. И Лидочка – тут как тут:

– Боря, может, тебе чего-нибудь постирать надо? Или погладить, зашить? Ты не стесняйся, я ведь понимаю...

Я сначала отказывался, а потом у меня появилась одна просьба, вторая... Лидочка тут же откликнулась, и наши отношения стали почти семейными. В конце концов она даже иногда стала варить обед для меня.

– Всухомятку, Борис, питаться вредно! – категорически заявила она, вручая мне очередную кастрюльку с супом. А готовила она, надо сказать, исключительно, и я втянулся. Чтобы не быть нахлебником, старался и я в свою очередь помочь Лидочке, чем мог, даже возился иногда с её семилетними дочками-близняшками, когда она просила.

Но с вином и конфетами пришёл я впервые. А Лидочка мгновенно засуетилась, ловко прикрыла стол свежей скатёркой:

– Ну что ж, гулять так гулять!

Мы замечательно посидели: Лидочка подрезала ещё и колбаски, и огурчиков. Хвасталась: «Сама солила!» Выпила пару рюмок, разоткровенничалась, разоткровенничалась. Я брал

её за руку, вздыхал и поддакивал, и кончилось тем, что она, суетливо уложив девочек, пришла ко мне в комнату...

Может, если б я был трезвый, то не позвал бы её к себе: ведь у меня никогда не было женщины. Засмеёт ещё... Но всё получилось на славу, и она благодарно прижималась ко мне:

– Спасибо, родной!..

Я подумал тогда: вот война проклятая! Таких, как Лидочка, – полстраны. Что же это за дикость, когда не мужик бабу благодарит, а наоборот?..

Вот так и стали мы настоящими любовниками, и вся квартира сразу об этом узнала. Но отнеслись не осуждающе, а с пониманием, даже с юмором. А, может, и с завистью: в нашей квартире проживало ещё несколько вдов.

Лидочка прибегала ко мне каждую ночь и говорила, что у неё – «медовый месяц». Между тем я уже получил аттестат и поделился планами с любовницей:

– Хочу, Лидуха, на завод устроиться.

И она тут же дала дельный совет, за что я всегда был ей благодарен:

– Боренька, не глупи. Давай-ка лучше на курсы шофёров, я помогу. Знаю хорошее место! Тебе ведь вот-вот в армию, дурачок! А там шофёр – не последний человек.

Я удивился: как же сам не подумал? Конечно, только шофёром!

Лидочка помогла, как и обещала; я быстро освоил и гру-

зовик, и легковушку (наверное, имел природные наклонности?). Вскоре принесли и повестку из военкомата и назначили день для медкомиссии. Оставалось недели две, не больше, – и придётся покинуть всё родное и привычное. А как там сложится, кто ж его знает? Мне было явно не по себе.

Чуткая Лидочка сразу уловила моё настроение, ласкалась и угождала больше прежнего:

– Ничего, Боренька, у всех так бывает; что поделаешь? А я буду тебя ждать...

Я чуть было не ляпнул: «Зачем?» Она думает, что ли, что я женюсь потом? Но вслух, однако, сказал:

– Спасибо, дорогая.

Хорошая она всё-таки баба, чего там. Вон сколько для меня сделала! Чем бы отблагодарить её на прощание, а?

И тут меня осенило: можно, можно отблагодарить. Попробую, а вдруг?..

Дело в том, что самой старой (во всех смыслах) обитательницей нашей огромной квартиры была древняя тётка по кличке «Шершела». Она почти ни с кем не общалась, а так только, в случае необходимости, ну или там «доброе утро» – «добрый вечер». Вежливая до неприличия, она презирала всех нас столь откровенно, что её почти ненавидели, несмотря на то, что старуха вроде никому и ничего плохого не сделала. Поговаривали, что именно ей когда-то принадлежала вся квартира, но точно никто не знал. Шершела жила здесь всегда, вот и всё.

Свою кличку она получила тоже давно, за смешную и странную привычку потихоньку напевать «Шерше ля фам, шерше ля фам», что бы она ни делала: возилась ли у плиты на нашей кухне или мыла в свою очередь «места общего пользования».

Она вообще частенько говорила по-французски, нимало не смущаясь тем, что её никто не понимает. Казалось, что это даже доставляет ей немалое удовольствие: окатит презрительным взглядом, прокартавит что-то со скептической улыбкой – и выплывет из кухни. И опять мурлыкает из коридора: «Шерше ля фам!!»

– Ух, Шершела проклятая! – Лидочка ненавидела бабку за то, что та занимала самую лучшую комнату, на целых три окна. – Мой муж жизнь отдал за нас всех, и за неё – в том числе! Так какого чёрта она одна в таких хоромах, а я с двумя детьми в этой клетке маюсь?!

Комната Лидочки была не такая уж и маленькая, с моей – не сравнить, но до бабкиной, конечно, далеко.

Я частенько думал: а как это Шершела до сих пор проблем не имела? Кто она на самом деле? И не боится, стерва старая, по-французски каркать! Может, за ней стоит кто-нибудь; невидимый, но могучий?

Да, Шершела была настоящей загадкой, и я её не любил за то, что не мог до конца понять. Мне, простому рабочему парню, сироте, которого здесь все уважали, она сухо цедила «Вы» и «молодой человек». Брезговала, просто брезговала,

как и всеми остальными. К тому же, больше, чем другими, – в этом я был даже уверен.

Ну ничего, ведьма старая! Заодно и будет приятный сюрприз Лидочке, которая уж надоела всем, бесконечно оббивая разные пороги, чтобы ей дали комнату побольше: «У меня муж – герой!!» Ей терпеливо обещали:

– Как только в вашей квартире что-нибудь освободится – решим вопрос! Или ещё одну комнату получите, или дадим одну большую.

«Что-нибудь освободится» – это значило: «кто-нибудь умрёт». А иначе как?..

Но ждать, пока умрёт Шершела, было так же нереально, как надеяться на Второе Пришествие. Шершела была вечна, как наша коммуналка.

И я решил действовать: подошёл к шофёру одному, Сан Санычу, и как бы невзначай, к слову, поведал: вот, мол, соседка у меня – вражина явная, а хоть бы что! Куда только власти смотрят?! И про французский её рассказал; ну, и доочинил кое-что для верности. А может, и угадал: кто ж его знает, что она там бормочет не по-нашему? Может, смеётся над нами, честными людьми, прямо в лицо; а мы, дурачки, и не догадываемся? Живём с ней рядом, здороваемся; а потом – ещё и в соучастники запишут, как пить дать...

Я частенько беседовал с Сан Санычем, а он всегда очень внимательно слушал. И вопросов никогда не задавал, и глаза делал равнодушные, но я знал: вычислил я его правильно.

Знал!

Но прошло, однако, уже целых шесть дней, а за Шершелой никто не приходил. Неужели я ошибся в Сан Саныче? «Ну, ничего, – думал я. – Не навек же я в армию ухожу. Вернусь, бабуся, и рассчитаемся. За всё ответишь».

...Последнюю ночь мы с Лидочкой провели без сна: казалось, она хочет сполна насытиться на будущее. Совсем меня замотала. А утром – даже разрыдалась, провожая. Я осторожно обнимал её в коридоре, куда высыпали все наши жильцы («Попрощаться!»), а сам с опаской думал: «Сейчас ещё завоюет „на кого ж ты меня покидаешь“, что ли?»

Но она в конце концов взяла себя в руки, и я смог спокойно проститься и с другими. Жал руки, крепко целовал, а сердце щемило: ведь это дом мой родной, как ни крути. И Шершела пришла, что удивительно. Подошла ко мне последняя, неожиданно перекрестила:

– Боря, вернитесь благополучно. Как сыну родному желаю вам: останьтесь живы и здоровы.

И, резко развернувшись, ушла к себе. Все только рты пораскрывали!.. А Лидочка сказала:

– Говорят, у неё сына во время революции убили. Белого офицера...

И мне стало страшно, невозможно гадко: что же я наделал, скот?! Что я знаю о ней?..

Но ведь до сих пор ничего не случилось, так? Значит, и не случится; нечего на стену лезть...

С этими мыслями я и вышел из нашего подъезда, бросив прощальный взгляд на своё маленькое окошко. За комнаткой присмотрит Лидочка. Обещала...

* * *

Служить я попал в мотострелковую часть, стоящую в небольшом симпатичном городке. И с первого же дня подумал: «Эх, скорей бы отсюда!» Не знаю, как другие, а я терпеть не могу, когда мной командуют.

Я немного поосмотрелся и, помня Лидочкино наставление, набрался смелости и пошёл прямо в кабинет к командиру части.

Браво отрапортовал, спросил, могу ли обратиться «по военному вопросу».

– По какому? – усмехнулся полковник. Был он подтянутым и строгим; приятно посмотреть. Глядя на него, я сразу успел многое понять: аккуратен, педантичен, умён. То, что нужно. И возраст уважительный: пятьдесят два года.

Я чётко и ясно, экономя слова и не размазывая мысли, объяснил, что я водитель, причём – неплохой; а если надо, – то и почию машину в два счёта.

– Хорошо, сынок, – полковнику явно понравилась моя деловитость.

Нахрапистость и сметливое нахальство хорошему шофёру нужны как воздух, и мой новый начальник это с ходу оценил.

– Да ты присядь, присядь! – пригласил он. – В ногах прав-

ды нет. Ну-ка, давай поподробней: кто ты, откуда?

Мы поговорили совсем немного, но понравились друг другу окончательно.

– Ладно, Борис, беру тебя своим личным водителем. Не подкачаешь?

О такой удаче я даже не мечтал! Шёл сюда, думал: расскажу, что я умею; может, учтут и не будут со всеми вместе гонять. Ну хоть иногда... А здесь! У меня даже дух перехватило!!

– Спасибо, товарищ полковник!!! Вы не пожалеете!!!

– Ну-ну-ну, спокойнее, Силин. Спокойней! Водитель должен уметь контролировать свои эмоции. Ты меня понял? Чёткость и неболтливость – это всё, что мне от тебя нужно. И ступай прямо сейчас в гараж, осмотри свою «лошадку». С этой минуты ты подчиняешься только мне; усвоил?

Я бросился в гараж, не чуя под собой ног от радости, и провозился там до самого вечера. Машина командира части была в полной исправности, но я нарочно долго мыл её и вылизывал. Заодно и узнал, что прежний водитель только-только ушёл на дембель. А тут – я...

Я даже помолился мысленно, хоть и не умел. Вот так я и пристроился. Как там говорится? – «чтобы служба мёдом не казалась»? А мне как раз и была она самым настоящим мёдом.

Правда, товарищи мои тут же стали меня сторониться и ненавидеть. От зависти, конечно! Ведь для меня един-

ственная команда «подъём!» имела значение, да и то – не всегда. Только и было солдатского в моей судьбе, что еда – по расписанию, вместе со всеми. А остальное существовало где-то в стороне, параллельно. Главное, что машина полковника всегда сияла у меня как новый самовар и работала как часы.

Я не жалел для этого времени (кстати, а куда ещё я мог бы его девать?). В любой момент дня и ночи я готов был везти своего командира куда угодно и ждать, сколько потребуется.

– Молодец, Силин! – то и дело хвалил он меня. «Чёткость и неболтливость!» – я затвердил это, как дважды два четыре. Я был нем, как китайский болванчик, и никогда не позволял себе ни одного слова, пока полковник сам что-нибудь не скажет. Я сливался с машиной в единое целое, видел только дорогу и ничего больше. Ездил так, как будто не человека возил, а ящик с хрусталём; но при этом – быстро и уверенно.

– Ох и жаль, Силин, что ты всё-таки уйдёшь на гражданку! – сказал как-то командир части, и это было для меня наивысшим комплиментом.

В армии я возмужал, поправился. Очень даже нравился самому себе, хотя товарищи по казарме по-прежнему воротили нос:

– Ишь, морду отъел, жополиз!

Но меня это совершенно не волновало, как и все их маршброски, стрельбы и наряды вне очереди.

К тому же – то ли от скуки, то ли от избытка свободно-

го времени – закрутил я «любовь» с нашей медсестрой. Она млела и таяла от моего внимания: в свои двадцать четыре до сих пор была не замужем, несмотря на наличие вокруг себя целых охапок свободных мужиков.

Была она здоровенная, как шкаф, и такая же широкая. Чем-то напоминала мне тётку Далилу из детских военных лет; тоже была слезливая и жалостливая. И покорная до безобразия.

Вообще-то покорность в бабах мне нравилась всегда, но не такая полная апатия, как у сержанта медицинской службы Куропаткиной Светланы.

Нет, как знаток своего дела она была хороша: грамотная, ловкая и чуткая. Но как любовница – надоела быстро. Вечно требовала, чтобы я в сотый раз повторял, что люблю её. Однажды я не выдержал и наорал на эту дуру. Пригрозил: ещё раз пристанет насчёт «ты меня любишь?» – будет искать другого попугая.

С тех пор вопрос этот, готовый снова и снова зазвучать, замирал у неё на губах, и она компенсировала это тем, что сама без меры нашёптывала мне, пока я совершал очередной акт любви:

– Я тебя люблю, люблю, люблю, люблю!!!

Это мешало, но, разойдясь, я уже просто не слушал Светку.

Так бы это всё и тянулось до самого дембеля (не дольше! Хотя Светка почему-то была уверена, что я женюсь), если бы

не одно «но»: она забеременела. Сказала мне о «радости», томно вздыхая и прижимаясь к плечу могучей грудью.

– Ох, ё... – я, не сдержавшись, выдал нашу национальную фразу, обозначающую в данном случае что-то вроде: «Это мне неприятно».

– Боренька, я думаю, будет мальчик! – Светка явно не уловила подтекст сказанного. И тут я ляпнул:

– Я разве не говорил тебе, что у меня жена и двое детей? Девочки, близнецы!

(Наверное, про Лидку вспомнил).

Она мгновенно побелела, замерла, по-совиному, не моргая, уставившись на меня.

– Н-н-нет... – она всё ещё отказывалась верить.

– Не нет, а да! – психанул я.

Хлынул океан слёз вперемешку с надоевшим до зубной боли «люблю, люблю тебя!!» Но я решил быть твёрдым. И так уже хотел с ней порвать, так что надо поставить точку.

– Светлана, истерика не поможет! Реши, пожалуйста, этот вопрос, – и давай расстанемся.

Она молчала, смотрела в сторону и только всхлипывала. И я ушёл. Всё! Сюда – больше ни ногой. Потерплю как-нибудь (или, может, в городке кого-то присмотреть?). До дембеля...

...На другой день меня вызвал командир части. Я удивился, ведь знал, что никакой поездки сегодня быть не должно.

Он встретил меня разгневанный:

– Что, кот блудливый, наделал делов?!

Я никогда не видел нашего полковника таким злым. Сдержанность и выдержка! – вот чем он выгодно отличался от всех остальных наших командиров. А тут...

– На хрена нам в части такие дела?! Что глазками хлопаешь, Силин? Не понимаешь?! Я объясню! Куропаткина вчера мне всё рассказала, обещала в военную прокуратуру пойти с жалобой!! Ты зачем меня так подставил?

Вот тебе раз!.. Я ожидал, конечно, чего угодно, но что Светка на такое решится... Да-а-а, в тихом омуте... И я с перепугу забормотал какой-то бред, что-то вроде «я к ней хожу только по вопросу здравоохранения...»

– Чего-чего?! – прищурился полковник. – Ты чего несёшь? Какого здравоохранения?!

И заорал так, что звякнули стёкла:

– Не здравоохранение у тебя, а сплошное ЗДРАВООХРАНЕНИЕ! Зажрался, кобель!!!

(Ну, насчёт кобеля мог бы и помолчать... Ему почему неболтливый шофёр подходит, а? А потому что есть у него к кому наезжать по личным делам, есть. Такая фифочка – пальчики оближешь; я и сам бы не против был с ней покувыркаться. Молоденькая, сладенькая. А полковница старая и в ус не дует!)

Всё это я понял в долю секунды, но сказать такое вслух – не посмел бы и под пыткой. Я ж парень неболтливый, за то и ценит начальство.

Но полковник и сам, видно, кое-что вспомнил. Он закашлялся, покраснел. Прохрипел:

– Сядь, говорить будем!

И потянулся за папиросой.

– А чего б тебе и в самом деле на ней не жениться? – спустя десять минут он уже великолепно владел собой, как всегда. – Что ты там плёл ей насчёт жены и двоих детей? Врал?

– Нет, не врал, товарищ полковник! – я смотрел измученными глазами человека, которого придушили роковые обстоятельства. – Ждёт меня хорошая женщина, и дочери у неё... Я обещал. Люблю! Дни считаю, чтоб домой...

– Ну ладно, – полковник вздохнул тяжело. – Как мужик мужика я тебя, конечно, понимаю. Но зачем ты ребёнка ей сострогал, а? Вдруг действительно пойдёт к прокурору?.. Жениться, конечно, никто не может тебя заставить силой; но внимания лишнего к нашей части будет – мало не покажется. А крайним буду я!! – он зло стукнул по столу ребром ладони.

В конце концов порешили на том, что я ещё раз попытаюсь по-хорошему с Куропаткиной всё уладить. Ну, может, денег ей дать? Лишь бы шум не поднимала, глупая!

И я снова отправился в санчасть; в первый раз – вынужденно. Пока шёл, обмозговывал варианты, но, увидев Светку, чуть не закипел от негодования: и эта мамонтиха будет мной командовать?!

Начал сдержанно, и она вскинула на меня обнадёживши-

еся было глаза: а может?.. Нет, не может! Никак!

Я просил – она упиралась; я начал угрожать – она сказала:

– В общем так, Боря. Есть только два варианта: или ты женишься, или я поднимаю большой шум.

– Не докажешь, сука!! – допекла ведь, гадина, я аж подскочил. – Мало ли кто тут к тебе шляется, ты под любого готова!

– Нет, Боря, ошибаешься. Докажу, – она уже была абсолютно спокойна. Чем больше я заводился, тем несокрушимей становилась её правота. – А свидетели – вся часть.

У меня в голове что-то как будто лопнуло, и кровь гнева хлынула в глаза. Меня, меня заставить??! Меня???!

И я высказал ей всё, что думаю. А что терять; пусть хоть послушает! И про то, что она на женщину похожа только дыркой между ног, и больше ничем; и что она никому нужна не была и не будет до самой смерти; и мне – в том числе. Просто пользовался ей как унитазом: надо же куда-то молодому мужику спускать излишки силы! И что никогда я на ней не женюсь, пусть хоть всю страну в свидетели записывает! А вот опозорю я её на славу, всем буду ходить и рассказывать, как она ножищи свои расставляет и глазки закатывает, чуть только ширинку увидит. Любит!

Кричал и видел: делаю больно, смертельно больно. Но получал от этого несравнимое удовольствие. Пусть, пусть почувствует, как нервы мотают.

– Чучело, медуза, туша говьяжья!!! – это были мои послед-

ние слова, и я вылетел, хлопнув дверью.

Пусть теперь жалуется, гнида! Хоть душу отвёл, и то хорошо...

...А через час на территорию части влетела «скорая»: Светка наглоталась каких-то таблеток и грохнулась без сознания. Хорошо, что случайно зашёл рядовой Пяткин: нечаянно поранился ножом в наряде на кухне.

Куропаткину увезли. Кажется, её откачали. А, может быть, нет?.. Но я ничего больше о ней не слышал, а спрашивать не стал. Зачем? Мало ли...

Вскорости к нам прислали другую медсестру, которая всем сообщала, что сержанта Куропаткину перевели в другую часть по её просьбе. Ну и отлично!

Новая медсестра меня несколько не привлекала, потому что имела два существенных недостатка: была замужем и в возрасте.

* * *

На гражданку я уходил с самыми радужными надеждами. Полковник, помня добро, дал мне лучшие рекомендации. И я, если бы хотел, мог спокойно устроиться в военкомате родного города тем же шофёром. Там, в областной конторе, сам военком – оказывается, однокурсник нашего командира части. Перспектива!

Но прибыл я неудачно: пока вернулся домой, пока праздновал и отдыхал, то да сё, – потерял, оказывается, драгоцен-

ное время. Ткнулся по рекомендации – а военком умер; всего-то неделя, как похоронили. Кто бы мог подумать?

Вот она, смерть; приходит, как капризная баба, когда ей вздумается. Военком ведь совсем молодой мужик был, да...

Но не стал я долго расстраиваться; что ж теперь? Попробовал было всё же устроиться, но во всех кабинетах смотрели холодно и разговаривали свысока.

И я догадался, что все «хлебные» места здесь давно заняты; человеку с улицы сюда попасть нереально.

Между тем Лидочка от радости ног под собой не чуяла:
– Не спеши, успеешь наработаться! Найдём хорошее место.

Её подросшие дочери признали меня опять сходу, будто я и не отлучался. «Ишь, невесты!» – нет-нет, да и подумывал я, глядя на них. Они уже не липли ко мне, как когда-то, научившись за это время стесняться, но между нами восстановились всё те же давние дружеские отношения.

К тому же Лидочкино семейство теперь занимало комнату Шершелы... Я просто обомлел, когда узнал; стал расспрашивать. Умерла всё-таки, что ли?

– А кто ж её знает; может, и умерла, – сочувственно сказала Лидочка. – Её ведь забрали в тот же день, как ты уехал. Точнее, ночью. Знаешь, ОНИ ведь по ночам работают... До сих пор ума не приложу, за что ж её?.. Никому ведь не мешала!

Вот оно, самое непостижимое свойство человеческой па-

мяти, – подумал я. Да Лидочка же с ума сходила от ненависти, всё мечтала об этой самой комнате и чтоб Шершелы поскорей не стало! Об этом я и напомнил. А она рассердилась:

– Мало ли что в отчаянье скажешь!

– Подожди, – изумился я. – В отчаянье – это когда один раз, да и то в крике или в слезах; а ты день и ночь твердила, желая старухе смерти.

– Болтала чепуху! – Лидочка упёрлась на своём. – Мне Шершелу жалко, славная она была.

...Так, значит? Славная она была и её жалко, да?.. А мне что ж теперь – последним мерзавцем себя чувствовать?

Я попросил рассказать подробно. Ну, хоть какое обвинение? Может, всё-таки не я...

– Да в ту же ночь было, я ж говорю! – поведала Лида. – Моя ж старая комната напротив как раз, всё хорошо было слышно. А потом оказалось, что и все остальные тоже слышали, только боялись нос высунуть. Сначала к ней громко постучались – знаешь, по-особенному как-то, жуть! Она не сразу открыла; может, одевалась. Они долго там копались, искали что-то; всё вверх дном перевернули. Потом один ко мне постучал; я чуть не умерла со страху! А он говорит: «Идите распишитесь как свидетельница». И Ивана Николаевича привёл из второй комнаты. Тот старенький, труситя весь. Ну ты ж помнишь, какой он боязливый был, царство небесное! Подписали, значит, мы с ним какие-то бумажки, и стоим, ждём. А самый главный и говорит: «Всё, гражда-

не, спасибо. Идите спать. Если нужно будет – вас вызовут». Иван Николаевич сразу уполз, а я стою – не иду, вроде ноги отнялись. А они и внимания на меня не обращают. А Шершела стоит, молчит; глаза как безумные. Они спрашивают: «Ну что, бабка, собралась?» А она – ты представляешь?! – отвечает: «Я с вами, молодой человек, на брудершафт не пила. Будьте любезны говорить мне «Вы». И спокойно так! Ну, знаешь, как она умела. Я думала, у меня сердце остановится! Тот, старший, прямо обалдел, но, однако, говорит: «Прошу Вас следовать за нами». Представляешь?? Она их ЗАСТАВИЛА! До смерти не забуду эту картину; так бы в ноги к ней и упала...

– И что потом?

– Да что потом? Ушли они, и её увели. Она в дверях голову повернула, мне улыбнулась и кивнула. И сказала громко:

– Лида, прошу Вас, раздайте мои вещи соседям по справедливости.

Я хотела кинуться ей вслед, хоть обнять, что ли... Но побоялась. Сам понимаешь. Вот так всё стояла и стояла; они уж и ушли давно, а я не помню, сколько так стояла... Комнату, конечно, закрыли и опечатали. Мне все говорили: «Лида, идите и добивайтесь. Теперь вам отдадут комнату». А я – веришь ли, Боря? – никуда не ходила, будь оно всё проклято. Сами пришли, сами. Сказали: «Переселяйтесь, это ваше жильё теперь». А мою комнатёнку вскоре геологу одному отдали. Он теперь в командировке; вернётся – познакомитесь.

Хороший дядька, добрый.

– Ну да, – съязвил я. – И ты добрая. Наверное, ходила к нему по-соседски, да?!

Зачем обидел?! – не знаю. Наверное, хотел закрыться от собственных мыслей. ... Да, Сан Саныч; к сожалению, не ошибся я в тебе, друг любезный... И я, значит, спокойно служил, а Шершела... Ужас! Ужас...

– Ты что? – удивилась Лидочка. – Ревнуешь, значит? Ну, ревнуй, ревнуй; мне даже приятно... Так вот, вещи старухины я никому не отдавала; а сложила и храню. Всё думаю: вдруг она вернётся, а? Вернётся – и обрадуется, что всё цело.

– А жить будет где? – спросил я тупо.

– Как где?! С нами, где ж ещё? Родной ведь человек, не кто-нибудь.

Вот какие, значит, метаморфозы: от ненавистной контры до родного человека. Неисповедимы пути...

* * *

– Кактус, проситься надо, скотина!! «Утка» ведь есть!

Надо мной стояла разозлённая Надька.

– Хорошо, что клеёнка подстелена. А я слышу – закапало, потекло! – не унималась жёнушка. – Ух, чучело на моей шее, чтоб тебя!..

Она принялась подтирать пол, потом заставила меня встать (что с каждым разом было всё мучительнее), промокнула клеёнку.

– Чего у тебя моча такая вонючая, Кактус? – продолжала она язвить. – Как у кота, даже ещё ароматнее. Небось, наблюдал в своей жизни, как котятя в марте?

Я молчал, ждал. Лучше не отвечать: а то вообще неизвестно, когда перестанет лаять.

– Ишь, засранец! – она ещё, оказывается, не всё сказала. – Спасибо, что сходил по-маленькому, хрен старый; а не навалил кучу, как ночью!

(Было дело. Заснул – и нашкодил. Я уже почти не чувствую, не всегда успеваю уловить момент; вот и случается...)

– Размечтался, разнежился, стручок перхотный, а я тут – нюхай! Ложись, будь ты неладен!

Меня не надо было просить два раза: ложился я куда охотнее, чем вставал.

– Значит так, ещё раз размечтаешься – будешь в дерьме лежать, сколько я захочу! – решила напоследок Надька.

Ну наконец-то выговорилась, вышла. Возится на кухне, гремит ложками. Значит, скоро кушать даст. Уже хочется.

Правда, будет кормить – ещё придётся выслушать. Знаю я её, раз триста ещё назовёт «засранцем» и «старым ссыкуном». Надо терпеть; куда ж денешься?

Интересно, а если б я тогда всё-таки женился на медсестре? Ухаживала б она за мной?.. Ох, и любила она меня, любила!

Постой-постой!.. Я вспомнил: ведь было мне лет сорок, что ли; и пришло странное письмо от какого-то Бориса Бо-

рисовича Куропаткина. Дескать, «давно вас ищу; вы, наверное, мой отец...» Я ведь даже не дочитал, дурак!! Плюнул, порвал и выбросил.

Вот оно, значит, как: Борис Борисович. Так любила меня, что сына Борькой назвала. Ах, мерзавец я старый, мерзавец... Порвал и не ответил.

А ведь мог быть рядом со мной сейчас сын: Борис Борисович Куропаткин. Мог...

– Усаживайся, калоша; сейчас кормить буду! – закричала из кухни Надька.

Чтобы «усесться», мне нужно десять минут, не меньше...

* * *

...А Лидке я всё-таки про Шершелу сказал. Пусть не думает!.. Ишь, чистенькой хочет быть. Не выйдет, милая. Что ж мне, одному терзаться?

Лидка сначала не поверила:

– Зачем так шутить?..

А потом...

– Ну и гад ты, змей подколодный!!

Надо было, конечно, не говорить. Перетерпелось бы как-то. Хорошо хоть, что Лидка болтать побоится; у самой рыло в пуху.

Но меня она тут же возненавидела. Сначала я думал: позлится и перестанет. Переждал пару дней и ткнулся опять было вечером к ней в комнату. Выгнала!..

– Я тебя знать больше не хочу, фашист!

Подумаешь, цаца!.. А может, так и лучше? Всё равно ведь, рано ли, поздно ли, – а рвать с ней надо.

В квартире нашей размолвке дивились. Ведь так всё было хорошо! Они уж давно в мыслях нас поженили. Но в душу не лезли, и то спасибо.

Только тётка Магда шепнула мне как-то одобрительно:

– Правильно, Борька. На кой ляд тебе чужие дети? Своих заведёшь.

«Заводить своих» мне пока что тоже не очень хотелось: надо было сначала встать на ноги. Пока меня поила-кормила Лидка, я не очень спешил искать работу, выжидал подходящего случая. А теперь – пришлось.

Я решил, что профессию шофёра бросать не стоит, и сходил на автобазу. Там меня встретили с распростёртыми объятиями: молодой, перспективный, опытный! Но работа здесь не шла ни в какое сравнение с «мёдом» службы.

Дальние рейсы, большие грузы, немалая ответственность, – а зарплата обычная; как у таких, которые в чистеньких конторах сидят и в ус не дуют.

И приспособился я «левачить». Сразу стало повеселее, появились денежки. Появились также и друзья, и подружки.

«Ничего, – думал я, – надо ждать; а там, глядишь, и дочка какого-нибудь начальничка подвернётся, а её папашке нужен будет свой водила...»

Мечты, мечты!.. Но пока я мечтал, произошло в моей жиз-

ни событие, которое в корне изменило все мои планы и направление жизнь уже по другому руслу.

Отправился я как-то в рейс. Груз был ответственный, и шёл я осторожно, на средней скорости. Ехать было далеко, и я порядком устал, стараясь попасть на место до сумерек. очень уж я не любил это время суток, как и все шофёры. Доставка, переночую, а утром – обратно. Не впервой.

Я ехал и подбадривал себя близким ужином, но тут увидел, что навстречу мне бешенно несётся автобус, как-то странно вихляя. Сейчас он мне в лоб!.. На встречной!!

Как я успел увернуться, до сих пор понять не могу!.. Дико крутанул руль вправо и выскочил на обочину, но места не хватило, и я сполз по откосу прямо в чисто поле. Успел, правда, затормозить, и машина моя застыла, подняв зад, как большой жук у входа в тесную норку.

Но машине, которая шла за мной, повезло значительно меньше: я услышал страшный удар; заскрежетало железо и посыпались стёкла; истошно, по-звериному завывали люди.

Я сильно ударился головой о руль, когда тормозил, и в висках гудело. Тронул лицо руками и нащупал кровь. Почувствовал, что разбил нос. Я стал потихоньку выбираться из кабины.

Между тем на месте аварии скапливались с невероятной скоростью новые машины и люди; кто-то всё ещё продолжал вопить, как будто его переклинило. Всё это вместе взятое гудело, шумело, волновалось...

Я подошёл поближе. Господи, сколько крови!! Автобус-виновник был сильно побит впереди, и погиб водитель. А пассажиры (к счастью, их было совсем немного) отделались мелкими травмами и лёгким испугом. Они уже все выбрались и толпились тут же, громко споря:

– Да не пьяный он был, не пьяный, вы что?! Может, задремал на минутку?..

(Позже выяснилось, что у шофёра за рулём случился инфаркт, и он умер ещё до столкновения. Вот почему автобус так странно вихлял!..)

А вот во встречной легковушке – погибли все: двое мужчин впереди (водитель и пассажир), и две женщины – сзади. А ещё – маленькая девочка, совсем маленькая. Лет пять-шесть, не больше... Худенькая такая...

И всё это я увидел... Я никогда не наблюдал смерть, никогда и никого не хоронил ещё. Нет, конечно, я видел чужие похороны, и не раз; но никогда даже близко не подходил.

...Их всех вынимали уже мёртвых, а я стоял, смотрел и не мог уйти. Как же это так, как же?.. Вот ехали люди, смеялись и шутили; может, на праздник какой-нибудь, – вон как разодеты! А у малышки на головке – пышный красный бант... Почему-то этот бант больше всего меня поразил.

Кто-то расстелил прямо на обочине длинную широкую тряпку (где взяли?..) и тела уложили в ряд. Аккуратненько, по росту...

И тут и понял: мы все – мертвецы. Все, все, все!!! И я,

и вон тот врач со «скорой», и этот молодой сержантик...

«Выключат» нас всех однажды, как вот этих, строем лежащих, и отправят под землю в ящиках, зачем-то оббитых материей и украшенных цветами.

Это ощущение всеобщей смерти не покидало меня ещё долгие месяцы. Чтобы избавиться, я ушёл с автобазы. Какое-то время нигде не работал (деньги пока были); я бессмысленно слонялся по улицам и часами разглядывал людей: и тот – мёртвый, и этот... А сколько девочек с красными бантиками!!! Уж они – точно... Мне казалось, что вокруг меня не люди, а заводные скелеты, для маскировки прикрытые кожей с мясом, а сверху ещё – одеждой.

Я даже ходил к врачу. Думал, надо мной смеяться будут, а потом – в психушку отправят. Но нет: доктор слушал внимательно, щуря добрые глаза; осторожно задавал разные вопросы. Незаметно для себя я выговорился до самого доньшка (целый час почти был на приёме, даже сам удивился!), а потом врач сказал:

– Ничего, молодой человек. Это шок у вас. Пройдёт время – и всё забудется, пройдет. И попейте вот это; поможет.

Он выписал мне какие-то таблетки, название я потом забыл. То ли они помогли, то ли действительно время лечит, но стал я помаленьку приходить в себя. Так и выздоровел.

Но с тех пор осталось со мной навсегда вот такое: стоило мне хоть немного огорчиться (по любому поводу!) – тут же лезли мысли: мы все мертвецы, хоть расстраивайся, хоть нет.

И это, кстати, меня тут же успокаивало. Вот вам и загадки человеческой психики!..

* * *

Итак, с шофёрской судьбой я распрощался навсегда. Но куда теперь? Может, в институт? После армии, я слышал, туда берут охотно.

Ну а на что я буду жить? Я ж не при папе-маме, как другие... И тут я вспомнил про отца. А что, если его попросить?

Но, с другой стороны, – столько времени ни слуху ни духу, а тут – вот он я? Меня покорило: вспомнил, с какой гадливостью смотрела тогда на меня новая отцовская пассия...

Однако, воспоминание о родителе принесло свою пользу. В памяти всплыли его привычки, жесты, словечки... И его, всегда непреодолимая, уверенность в себе:

– Запомни, сынок: если хочешь решить какой-то важный вопрос – иди сразу только к первому лицу! Понимаешь? Не к заместителю какому-нибудь, а только к первому лицу! Иди как к равному, если хочешь чего-нибудь в жизни добиться. Сила силу всегда уважает!

Да-да, к первому лицу. Я ведь и в армии тогда – сразу к полковнику. И получилось ведь, получилось!!

Я решил повторить удачный опыт. Правда, шофёром быть уже не собирался (да и не смог бы, наверное), но предложить себя в качестве расторопного помощника – мог на любом уровне.

И я отправился в здание Обкома партии. Конечно, попасть на приём к первому секретарю, да ещё вот так, с улицы, – было нелёгкой задачей. Но я терпеливо объяснил, что мне надо только «к самому», и ни к кому другому. К Завгороднему А. А.

– По личному вопросу! – я был твёрд.

И меня записали на пятницу. В назначенное время, аккуратно выбритый и нарядно одетый, я дожидался в приёмной. Томиться пришлось довольно долго, но меня, наконец, пригласили в кабинет.

– Слушаю вас, – «первый» смотрел равнодушно. – Только коротко и ясно, поняли?

– Я – Силин, – сказал я. – Борис Петрович Силин.

(Я заранее, ещё три дня назад, написал «речь» и вызубрил её как «У Лукоморья дуб зелёный». Говорил спокойно, чётко, с хорошо отрететированной интонацией: сколько лет, где живу, кто родители, где и как служил).

– Так, – оживился секретарь. – И чего же вы хотите, Борис Петрович Силин?

И тут мне повезло. Вот верьте или нет, но показалось мне, что это мой Ангел-хранитель сам подошёл неслышными шагами к «первому» и что-то шепнул ему на ухо. И секретарь услышал.

– Стоп. Вы сказали – Силин, так? Борис Петрович? А отец – не Пётр Адрианович, случайно?

– Да, – я почуял удачу. – Именно. И работал он...

(Я торжественно назвал старую должность отца, которой тысячи раз хвастался ещё в школе).

– Вот так да! – воскликнул «первый». – Ну что ж, сыну Силина я просто-таки обязан помочь! Ведь мы с твоим отцом...

Он перешёл на дружеское «ты», и я мгновенно это заметил.

– Ох и стержневой характер имел Пётр Адрианович! – заливался «первый». – Ты, я надеюсь, в него? Ведь ты... – он на секунду замялся, – от первого брака, насколько я в курсе?..

– Да, – не смутился я. – Так вышло.

– Да-да, бывает! – успокоил секретарь. – А вот она, жизнь: с ним работал, и с тобой поработаю! Помянем, может, отца твоего? – спросил он вдруг сочувственно.

– Как «помянем»? – я сразу и не понял. – Разве он?..

– Ну, а ты, выходит, не знал? – расстроился Завгородний. – Да он недавно погиб, и трёх месяцев ещё нет... Ехал, понимаешь, с женой и дочкой в гости, а с ними – ещё одна пара семейная, родственники супруги, кажется. И влетели, бедняги, в автобус. Погибли все на месте. Ну хоть сразу – и то хорошо. Без лишних мук... Так что и отец, и мачеха, и сестрёнка твоя, значит...

...Девочка с красным бантом?! Мне стало не по себе.

– Борис, тебе плохо? – он уже вскочил, открыл форточку, налил воды. – Ну-ну, ты ж мужчина!

Он накапал мне что-то в стакан:

– Прими-ка!

Я послушно выпил; в голове что-то забулькало.

«Мёртвый. И он тоже – мёртвый», – подумал я, глядя на Завгороднего. Мёртвый мёртвому дал успокоительного... Что это со мной?! Неужели снова девочка с красным бантом придёт бесцеремонно в мои сны? Сестра... Как хоть звали-то её?..

Очевидно, я спросил это вслух, потому что секретарь с готовностью ответил:

– Светочкой, Светочкой её звали...

Совпадение, конечно; и Светка Куропаткина здесь ни при чём. Но мне стало неприятно.

Зато отлегло от сердца, и я сказал уже более-менее спокойно:

– Спасибо за сочувствие, Антон Алексеевич. Давайте их всех помянем...

Завгородний вызвал секретаршу:

– Зина, организуй нам!

Мы пообщались ещё минут пятнадцать («Извини, Борис Петрович, дела! Сам понимаешь!»), и я ушёл, обласканный и устроенный.

С того дня и началась самая настоящая моя карьера; и первой ступенькой было всё-таки поступление в институт, на заочное отделение. Зачем же время зря терять, скажите?

* * *

...Сессии я сдавал, как говорится, не глядя. Я быстро стал в Обкоме своим человеком, с заоблачной скоростью вступил в партию, не прошло и двух лет.

А всё почему? – а потому что усвоил я, что именно в общении с людьми есть самое главное. Я был одинаково вежлив и любезен со всеми, внимателен к каждому, как к самому себе. Быстро вызнал всё про всех и безошибочно знал, что кому нужно сказать, чтоб меня везде считали отличным парнем и хорошим, душевным человеком. Я улыбался всегда и всем; для женщин – не жалел комплиментов (чем больше – тем лучше; кашу маслом не испортишь); для мужчин – всегда у меня было готово «я вас понимаю» или «я тоже так думаю». Всем без исключения я время от времени торжественно объявлял наедине:

– Давно хочу сказать: я вами просто восхищаюсь! И беру с вас пример. С таким умом вы далеко пойдёте!

По закону больших чисел, кто-нибудь из них, рано или поздно, – «шёл далеко», и старые связи оказывались мне на пользу.

Я по-прежнему жил пока всё в той же «коммуналке», но в перспективе уже маячила отдельная квартира. Если к моменту получения успею жениться и обзавестись хотя бы одним ребёнком – то не однокомнатная, а что-нибудь побольше.

Мне нужно было поторопиться. Лидочка по-прежнему

воротила от меня нос, хотя пока ещё ни с кем другим не сошлась.

Да мне было теперь уже всё равно. Вся квартира относилась ко мне уважительно, со значением повторяя гостям: «А вы знаете, где наш Боренька работает?» И лезли ко мне с просьбами.

Я всегда обещал, но соблюдал одно правило, которое внушил мне Завгородний:

– Запомни, Боря. Никаких «своих». За это тебя съедят завистники, дай только повод!

Итак, я обещал, но дальше этого не шёл. «Пока не получается, поймите. Но я держу вопрос на контроле». Вот и «держал», пока не отстанут.

И вообще я всегда слушался Завгороднего: он чем-то напоминал отца. Поэтому, когда он сказал:

– Боря, я хочу познакомить тебя со своей племянницей. Присмотрись... – у меня и мысли не возникло, чтоб не «присмотреться».

Её звали Клавдией. Что мне сразу понравилось – робкая, тихая, боязливая.

– Ей нужен именно такой, как ты, Боря, – был уверен Завгородний. – А то затопчут! Она ж за себя и голоса не подаст.

Не знаю, понравился я ей или потому что «дядя велел», но встречаться со мной Клава согласилась с ходу. Мне подходило, что она всегда была того же мнения, что и я; что моё слово для неё было равносильно приказу. Я ей (для соб-

ственного удовольствия) советовал даже, что носить. Любая баба, даже самая распоследняя, взбунтуется против этого; а Клава – нет. Приходила на свидание именно в том, в чём накануне было рекомендовано.

И я решил: женюсь. Подходит! Свадьбу сыграли без шума. Да, собственно, никакой свадьбы и не было, а просто посидели у Завгородних (у них не квартира, а хоромы! И своя кухарка суетится, служит).

А потом я повёз «молодую» в свой дом. Клавдия, тихая и, можно сказать, никакая, почти не обратила на себя внимания. Только Лидка пялилась на неё ненавидяще, и Клава даже спросила меня:

– Боря, а почему Лидия Николаевна на меня злится? Я ж ничего...

– Вот у неё и спроси! – отрезал я. – Нечего мне делать больше, как только бабьи интриги распутывать.

Но на застенчивую мою супругу обижаться было действительно не за что, и Лидка вскоре смягчилась, стала с ней ласкова; хотя на меня по-прежнему смотрела волком. Прожили мы там ещё с годик, и сбылась, наконец, моя мечта про отдельное жильё. Без всяких соседей; а тем более – соседок.

Клавдия к тому времени как раз родила, и я торжествовал: нам дали сразу двухкомнатную! Переехали мы по-тихому, ни с кем не прощаясь. Ну их, сглазят ещё!

Новая квартира была хороша: просторная, с высокими потолками, с балконом. К тому же, не всем такое счастье вы-

падало: почти вся страна ютилась по коммуналкам.

– Несправедливо это всё-таки, Боря, – сказала однажды Клавдия. – Чем мы лучше других? Многодетных бы с первую очередь расселяли...

...Да-да, я с первых дней заметил, что у моей супруги в голове – идеологический винегрет. Всех ей жалко, да за всех душа болит, да там ещё что-то... Три вагона чепухи и впридачу – тележка с милосердием. Хорошая женщина, но дура...

– Ты что, сомневаешься в справедливости нашей власти? – ехидно спросил я. – Или ты забыла, ГДЕ я работаю и КАКАЯ на мне ответственность?

Клавка испуганно молчала.

– И вообще, ты же знаешь: я терпеть не могу, когда баба лезет со своим мнением. Тем более если она моя жена.

Да, Клава знала. Я гордился тем, что организовал жизнь своей семьи точно так же, как это делал мой отец. Клавке я запретил работать (просила, плакала: она хотела на сцену. Закончила, видишь ли, театральное...); главная её роль теперь была лишь одна: муж (то есть я) должен быть сыт, ухожен, спокоен и вовремя обласкан. А жена – со всех своих скудных сил обязана ценить такое счастье!

Клавка начала запоем читать книжки. Я не возражал: семейной жизни это не мешало. Сыночек наш рос тихим, не капризным; хорошо кушал, много спал, и времени у жены было достаточно. Вот пусть и читает, чего там. Дело хо-

рошее.

Дома всегда был полный порядок, как я и требовал. Я, бывало, задерживался на работе, приходил за полночь. А она всегда ждала; бегала, хлопотала, подавала. И – ни слова против, никогда. Но я часто замечал: глаза красные. Что такое? – книжка, говорит, грустная попалась. Пустяки...

Иногда (редко, правда; что скрывать?) помучивала меня совесть: уж очень я суров с ней... Но, с другой стороны, она же не жалуется, не протестует? И всё у нас хорошо и мирно, любой обзавидуется.

Работа моя нравилась мне всё больше и больше. Увеличился опыт – увеличилась ответственность. Клава однажды попросила:

– Боря, а расскажи, что ты там делаешь, какие у тебя проблемы?..

Я сначала удивился: зачем ей это? А потом оценил! Ишь, внимательная, заботливая.

– Контролирую я, Клавочка, понимаешь? За каждым нужен глаз да глаз; им только волю дай – сразу распустятся.

– Контролируешь?.. – прошептала Клавочка. – Не про то я, Боря!.. Сам-то ты, лично, ЧТО делаешь?

Вот глупенькая! Я попытался втолковать ей ещё раз.

– Значит, САМ ты ничего не делаешь, – она подняла на меня свои странные глаза.

И тут я сорвался. Живёт на всём готовом, как сыр в масле катается, да ещё и гадости мне говорит?! Мне, крупному

работнику!! Партийцу!!! После тяжелейшего дня!

И я ударил её, не сдержался. Напрасно, конечно: отец маму никогда не бил. Но кто бы это стерпел?! Мать и не заикнулась бы, что отец – бездельник...

...Я ударил её один раз, потом – второй, потом повалил на пол и немного попинал ногами. Но уже не сильно, а так, для собственного успокоения.

Проснулся сын и громко заревел. Я остановился: пусть поднимается и укачивает. Она встала, всхлипывая, и, опустив голову, засемила к кроватке. А я пошёл спать.

Утром накрыла на стол, как ни в чём не бывало. И я успокоился: осознала, значит.

...А через месяц она мне сказала:

– Я ухожу от тебя, Боря.

Сказала тихо, но спокойно и уверенно, глядя мне прямо в глаза. Вот тебе и новость: я, значит, с работы, а тут – чемоданы собраны. Точнее, один чемодан. Ну и правильно! Здесь – всё моё, кроме её юбок. Но куда?.. А главное – к кому?!

Я почувствовал, как сжимаю кулаки.

– Ударить, – в милицию пойду, – сказала она вдруг резко.

И добавила:

– А отпустишь без шума – даже дяде не скажу, что мы расстались. Тебя ведь за развод из партии в два счёта выкинут. И с работы этой твоей героической – тоже.

Да-да, это я не сообразил! Разводиться-то мне никак нель-

зя, права эта поганка...

– Так, может, Клава, давай поговорим?.. Ну, признаю, был неправ. Поднял руку на жену... Безобразно поступил! Извини.

Она напряжённо засмеялась:

– Что, струсил?..

И попросила:

– Сядь. Давай напоследок поговорим. Хоть раз в жизни! Не бойся, Боря, я действительно не побегу жаловаться на наш развод, так что останешься при должности и почёте. Я не хочу создавать тебе неприятностей; жизнь сама разберётся. А уйду я, Боря, потому, что хочу, наконец, вспомнить, что я – человек, а не вещь, – что я – женщина, а не кухонно-праечно-постельный универсальный агрегат. Что я могу и думать, и разговаривать!

– Так вот, значит, потаскуха, в какую библиотеку ты бегала! – ухмыльнулся я. – Понятно! Нашла себе, значит, душевного кобеля под пару.

– Ты частично прав, Боря. Именно душевного, именно. Помнишь ли ты ещё, что есть такое понятие, или уже нет?.. И ещё тебя объясню, на будущее: самый серьёзный бунт, Боря, – это восстание тихой души. Она долго молча терпит, но когда чаша переполнилась – нет уже ни прощения, ни возврата. Ничего нет.

И она поднялась, давая понять, что больше говорить со мной не о чем. Одеда ребёнка и ушла...

Я стоял у окна и смотрел ей вслед: неудобный чемодан оттягивал правую руку, спотыкающийся сынишка тянул левую (он не поспевал за ней; лучше б на руки взяла!). Даже спина её выражала такую ненависть и презрение, что я плюнул и громко выругался. Неблагодарная тварь, и больше ничего. Стоит ли и переживать о такой, как эта?

Поэтому и бумаги о разводе, и отказ от сына (а мой ли он, кстати?..), я подписал легко, по первой же просьбе: испорченные вещи надо выбрасывать, не задумываясь.

...А вот этот сын и искать меня никогда не пытался; не то, что Светкин. Может, и вправду родила его Клавка не от меня, а? Бунт тихой души – явление скользкое...

* * *

– Кактус, я сегодня матрац буду переворачивать, переползай на кресло. Живо!

...О, мука! Она нарочно, что ли?.. Ведь два дня назад переворачивала! (Или три?..). Да-да, ей просто нравится меня мучить!

А больше всего она не терпит, если я хоть что-нибудь ей отвечаю. Только молчать, молчать и молчать. Тем более – никакого собственного мнения. Это её в принципе не волнует, потому что у меня такого мнения быть не должно.

Я теперь – кто?.. Не кто, а что; что-то вроде приложения вот к этому самому матрацу. Только матрац, по мнению Наденьки, гораздо приятнее: он не вякает, когда его не спра-

шивают.

Иметь какие-то желания мне тоже не безопасно. Да и какие теперь у меня потребности и мечты? – успеть сказать, чтоб «утку» подставила?.. А то опять скандал.

Как же она не понимает, что я ещё, чёрт возьми, жив! Что у меня есть душа и сердце, которые страдают!

Думал ли я когда-нибудь, что больше всего на свете буду хотеть простого человеческого сочувствия? Ну хоть бы разочек спросила, хоть бы когда-нибудь: как настроение, Борис Петрович? Новости бы какие-нибудь рассказала, что хоть в мире делается?.. Газету бы дала! (Ой, нет: очки разбил).

Я уже скоро совсем подниматься перестану. И единственное развлечение – посмотреть в окно! – тоже станет недоступно.

Попросил утром:

– Почитай мне вслух, а?..

Она ведь как раз уселась на свою раскладушку, раскрыла какой-то журнал. Трудно, что ли? Что вслух, что про себя...

...Отказала, обидела:

– Кактус, ты ж глухой. Мне что, надрыватьсья? Мало я на тебя горблю?! Дай отдохнуть!!

Я хотел было сказать, напомнить, что она здесь всё-таки не за просто так, но вспомнил, как она спрашивала:

– А чего ж ты один-то остался? Что, такой хороший – и не нужен никому? Небось, всех разогнал?

Я ничего не ответил: чего в душу лезет? Я ж вот не вы-

спрашиваю... Впрочем, она сама обмолвилась:

– А я тоже ничья, Кактус. С рождения – по детдомам, потом – всю жизнь в чужих кухарках. Так ничего своего и не нажила, кроме болячек... Может, хоть от тебя наконец-то свой угол перепадёт? И исполнится моя шальная мечта: пожить по-человечески, сама себе хозяйка... Телевизор куплю!

Вот так, значит: мечта её – в моей смерти... Наверное, каждый день молится, чтобы поскорее. И на могилу ходить не будет...

Ну почему, почему мне не дано умереть рядом с такими, которые заплачут? Разве ж я не человек? Не убил никого и не ограбил, а если обидел – так что ж? Это жизнь. Разве мало и меня обижали? Если б все мои обидчики вот так улеглись, как я, то на три госпиталя хватило бы. Сколько, сколько мне отпущено ещё этой проклятой жизни?.. Хоть бы, действительно, скорее – и перестала бы душа мучиться, покинула бы разбитое, ни на что не годное, дряхлое тело. Не хочу я быть долгожителем, не хочу. Разве ж я долгожитель? – я долгомученик... Не кричи, Наденька, ну не кричи!! Встаю уже, встаю; будь ты проклята...

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.